

УДК 392(571.56+571.65)

МОДЕРНИЗАЦИЯ ТРАДИЦИОННОГО ХОЗЯЙСТВА КОРЕННОГО НАСЕЛЕНИЯ СЕВЕРО-ВОСТОКА СССР И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА СОСТОЯНИЕ СЕЛЬСКОЙ СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЫ (1950–1960-е гг.)

И. Д. Бацаев

Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт ДВО РАН, г. Магадан

На основе опубликованных и архивных источников (ГАМО, ГАКО, ВА МАПК) исследуется процесс модернизации традиционных отраслей сельского и промыслового хозяйства народов Севера после завершения коллективизации и в период реформ конца 1950-х – 1960-х гг. Анализируются взаимосвязи развития основной отрасли северного сельского хозяйства – оленеводства, промыслового хозяйства и их влияние на состояние социальной сферы коренного населения Корякского, Чукотского национальных округов и районов Колымы.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, Северо-Восток СССР, традиционные отрасли хозяйства, социальная сфера.

В 1950–1960 гг. процесс хозяйственной модернизации, включавший в себя программу мероприятий социально-экономического, социально-правового и социально-культурного направления, составлял сущность советской национальной политики и последовательно проводился в зоне Севера в целом и на Северо-Востоке в частности*.

В интегральном народнохозяйственном комплексе Севера ведущее место занимало оленеводство. Основными оленеводческими районами являлись Магаданская, Тюменская, Архангельская и Камчатская области, Красноярский край, Якутская и Коми АССР. В конце 1960-х гг. в государственных и коллективных хозяйствах насчитывалось более 2 млн оленей, что было в 3 раза больше, чем в Финляндии, Норвегии, Швеции, Канаде, Гренландии и США, вместе взятых (Труды..., 1970. С. 3).

На Дальнем Востоке (Хабаровский край, Амурская, Сахалинская Камчатская, Магаданская области) основное поголовье оленей было сосредоточено в северо-восточном регионе. В хозяйствах Магаданской и Камчатской областей содержалось от 85 до 90% дальневосточных оленей, а Чукотский округ занимал первое место среди национальных округов Севера РСФСР. Таким образом, оленеводство являлось ведущей отраслью и основной сферой трудовой деятельности коренного населения Чукотки, Корякии и частично национальных районов Колымы.

* Полярная зона: европейский Север, Обь-Енисейский Север, Северо-Восток РСФСР.

Колхозы и совхозы, как правило, имели смешанную специализацию в зависимости от места расположения и навыков населения. Наряду с оленеводством в них занимались прибрежным рыболовством, морским зверобойным промыслом, охотой на пушного зверя, а с середины 1950-х гг. – звероводством.

Производственная деятельность северных хозяйств основывалась на традициях, опыте и соответствующих им образе жизни коренного населения. Семьи оленеводов, охотников и рыбаков постоянно находились вместе на стойбищах и промыслах.

В начале 1950-х гг. в традиционных отраслях сельского хозяйства Корякского (КНО) и Чукотского (ЧНО) национальных округов было занято от 80 до 90% от числа коренного населения (Очерки..., 1974. С. 270–271).

В первой половине 1950-х гг. по причинам объективного и субъективного характера оленеводство и промысловое хозяйство КНО и ЧНО находилось в кризисной ситуации. С одной стороны, это было следствием гололеда 1954–1956 гг., а с другой – отсутствия продуманной аграрной политики. На пленуме Магаданского ОК КПСС в 1957 г. констатировалось, что «местные партийные и советские органы допускали серьезные ошибки в руководстве колхозным и совхозным строительством, шаблонно и без достаточного учета природно-климатических условий и особенностей жизни народностей Севера решали вопросы хозяйственного и бытового устройства. Основные отрасли общественного хозяйства –

© Бацаев И. Д., 2009

оленеводство, пушной, зверобойный промыслы, рыболовство во многих колхозах находятся в запущенном состоянии, а звероводство, особенно в совхозах, не получило развития» (ГАМО*. Ф. 146, оп. 1, д. 215, л. 3). Ухудшение положения в традиционных отраслях сельского хозяйства было присуще не только Магаданской области. Директор крупнейшего оленеводческого совхоза КНО – «Пенжинский» А. Д. Давыдов говорил на совещании оленеводов, что «действительное положение в нашей Камчатской области, да и в Магаданской, дошло до такого пути, что дальше идти некуда. Еще хуже, товарищи, это материальное обеспечение наших оленеводческих хозяйств. Не только плохо, а его у нас совсем нет. Ну, как можно работать без аркана? Пастухи пользуются вместо ремня настоящим электрическим проводом. <...> Дело дошло до того, что мы из них вяжем веревку для того, чтобы закрепить юрты, чтобы их ветер не унес. Нет гвоздей, кровельного железа, печных приборов» (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 174, л. 193). Сами оленеводы говорили, что «руководители многих районов Чукотского (да и Корякского) округа и области годами не бывали в колхозах, совхозах, не знали ничего о жизни, нуждах и запросах людей, работники других ведомств годами сидели на центральных усадьбах» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 215, л. 15).

Кризис в общественном оленеводстве в этот период повлек за собой сокращение поголовья оленей и в личном владении колхозников. Практически не выполнялись решение ЦК КПСС от 12 марта 1952 г. о ликвидации безоленности среди коренного населения Севера и решение Магаданского облисполкома № 298 от 5 августа 1955 г., категорически запрещавшие изъятие у колхозников личных оленей. Так, в 1953 г. в личной собственности колхозников Магаданской области было 87,5 тыс. оленей, а в 1957 г. поголовье сократилось до 64,9 тыс. гол., и 1553 хозяйства (39%) вообще не имели оленей. В Корякском округе личные стада колхозников уменьшились с 21,5 тыс. гол. до 12,6. Права колхозников, определенные уставом, попирались грубейшим образом. Например, в Восточно-Тундровом районе ЧНО в колхозе «Турваургин», «40 лет Октября» и др. «обязали колхозников, имеющих личных оленей, писать заявления о передаче своих оленей в общественное стадо, якобы за возмещение потерь. В Чаунском районе устроили забой личных оленей в счет плана сдачи мяса и т. д.» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 284, л. 25). Кроме этого, за выпас личных оленей в общественном стаде на колхозников начислялась очень высокая плата, которая составляла 20–25% от заработка на трудодень. Например, в колхозе им. Сталина за выпас каж-

дого взрослого оленя брали по 60 руб., теленка – по 40. В 1956 г. колхоз удержал с колхозников 195 тыс. руб. В колхозе «Заря коммунизма» задолженность составила 114 тыс. руб., им. И Ревкома Чукотки – 240 тыс. руб. и т. д. На пленуме Магаданского ОК КПСС отмечалось, что «у нас продолжают иметь место грубые нарушения устава: в ряде колхозов ущемляются права колхозников местных национальностей, допускается бесхозяйственность, неправильное расходование денежных средств» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 284, л. 25). Чтобы уменьшить задолженность колхозников, было принято решение о взаимном погашении долгов у родственников, «но так как многие колхозники состояли в родстве, это мероприятие приняло массовый характер, чем нарушилось не только колхозное, но и советское право» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 108, л. 17).

В 1958 г. во всех оленеводческих колхозах была введена дополнительная оплата оленями за сверхплановую продукцию. За год колхозники Магаданской области получили в личную собственность 5,5 тыс. гол. В то же время повсеместно фиксировались случаи, когда «председатели колхозов... без судебных органов возмещали непроизводительные отходы общественного поголовья за счет изъятия личной собственности колхозников» (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 104, л. 19). Например, в колхозе «Турваургин», председатель колхоза (тридцатицатицентник)** Н. Мальчиков за три года (1955–1958) отобрал у колхозников 2157 оленей (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 215, л. 25). Заместитель председателя Анадырского райисполкома Н. Этлену говорил, что «они сегодня начисляют пастухам дополнительную оплату живыми телятами, а завтра отбирают обратно для возмещения потерь» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 108, л. 16). Оленевод из колхоза «Дружба», выступая на собрании, заявил, что «они [оленеводы] готовы гарантировать правлению колхоза не только 100%-ную сохранность взрослого поголовья, но и дать 100 телят от 100 маток, лишь бы их не трогали!» (Там же). В большинстве колхозов нормы выработки и расценки определялись произвольно председателями или бухгалтерами. Начисление трудодней отставало на 2–3 месяца, а в ряде хозяйств достигало 6 месяцев. В Чукотском районе (ЧНО) 14 колхозов имели доход менее 100 тыс. руб. Колхозники этих хозяйств просто бедствовали (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 55, л. 25).

В эти годы, в связи с укрупнением колхозов, проведением политики «соседания» кочевого населения, постепенной сменой поколений, резким увеличением пришлого населения, занятого в промышленности, изменилась демографическая си-

** В 1955 г. в колхозы было направлено в качестве председателей 32 коммуниста из числа так называемых тридцатицентников. За три года 19 чел. были уволены как не оправдавшие доверия. В 1957 г. по этой причине сменились 24 председателя колхозов.

*ГАМО – Государственный архив Магаданской области.

туация. Мононациональные по составу Чукотский и Корякский округа превратились в многонациональные, а процесс урбанизации коренных жителей вошел в конфликт с традиционными формами ведения хозяйства и их образом жизни.

В 1926 г. в Чукотском округе коренные малочисленные народы Севера – чукчи, эскимосы, эвены – составляли 96% населения, в 1959 г. – 25,9%, в 1970 г. – 13,2%. В КНО в конце 1960-х гг. – 72% населения являлись приезжими (Кузаков, 1981. С. 82).

Отметим, что с 1926 по 1956 г. численность коренных этносов в Корякском округе сократилась с 10 663 до 4807 чел., т. е. на 4020 чел., или на 40%, в том числе коряков на 24%. Большая смертность отмечалась в 1941–1942 гг., а также от эпидемий в 1955 г.

Изменение демографической ситуации в национальных поселках и усиление влияния пришлого населения на социально-культурные процессы способствовали смене приоритетов у молодежи из числа коренных жителей. В больших поселках (центральных усадьбах) они испытывали психологический дискомфорт. Дети оленеводов, охотников, рыбаков для обучения в школах были вынуждены расставаться с родителями, многие женщины перебирались в поселки, и, таким образом, разрывались семейные связи. По всей зоне Севера, где интенсивно развивалась промышленность, в сельском и промысловом хозяйстве стала назревать кадровая проблема (Материалы..., 1992. С. 325). Особенно сильно она проявилась в оленеводстве, где труд имел свои специфические наработки и требовалась специальная подготовка.

Бригадир колхоза им. Сталина Экэрультин говорил по этому поводу: «... К нам в бригаду прибыло из школы колхозных кадров два выпускника, эти выпускники разбираются в оленеводстве все равно как дети» (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 174, л. 150). В отчетах колхозов указывалось, что «молодежь, получившая среднее, начальное или специальное образование, ... годами проживавшая в интернатах ... не желает больше возвращаться в ярангу» (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 177, л. 20).

В докладе министру сельского хозяйства РСФСР П. И. Морозову прямо говорилось, что «только беззаветный героический труд оставшихся пастухов старшего поколения спасает от ликвидации оленеводства.... Мы при всем напряжении сил колхозников топчемся на месте или идем назад» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1 д. 108, л. 153).

В оленеводческих хозяйствах труд пастухов, охотников, зверобоев, их быт, медицинское и культурное обслуживание оставались на самом низком уровне. Отрицательно влияла на кадровый процесс и политика замещения оленеводов-практиков из числа коренного населения приезжими специалистами, имевшими отдаленное представление об оленеводстве. Заведующий кадрами Магаданского управления сельского хозяйства

А. А. Кочеров писал, что «районные организации односторонне увлеклись посылкой в колхозы на руководящие посты приезжих людей, которые не заинтересованы оставаться в колхозах продолжительное время. ... Отывают определенный трехгодичный срок работы ... и стремятся выехать в центральные районы страны, при этом за три года прилагают усилия к тому, чтобы заработать как можно больше денег. Этим объясняется высокая месячная зарплата председателей колхозов при весьма низких доходах колхозников» (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 30, лл. 124, 125). В 1958 г. из 57 председателей колхозов только 17 являлись представителями народностей Севера (ламуты – 2, чукчи – 5, эскимосы – 3, эвены – 3, чуванцы – 1, якуты – 3), в то время как в 1954 г. их было 36, в том числе 20 чукчей. В 1960 г. после укрупнения колхозов (с 55 до 42) количество председателей из числа коренного населения сократилось до 12 (из них камчадалов – 2, эвенов – 2, чукчей – 4, якутов – 3, эскимосов – 1). Среди директоров 13 оленеводческих совхозов был 1 якут, 1 чукча и 1 коми.

Подготовкой местных кадров, в том числе из числа коренного населения, для оленеводческих хозяйств занимались сельскохозяйственное отделение Магаданского горно-геологического техникума, Анадырская 3-годичная школа (в 1960 г. преобразована в сельхозтехникум), Провиденская строительная школа и Хабаровское училище механизации сельского хозяйства. К 1958 г. только Анадырская сельхозшкола выпустила 207 специалистов – олентехников, счетоводов, техников-организаторов, «но подавляющая часть выпускников была занята чем угодно, кроме сельского хозяйства» (Там же. Д. 177, л. 18). Что касается специалистов с высшим и среднеспециальным образованием, приехавших из других регионов страны, то они просто не выдерживали местных бытовых условий. Текущесть кадров оставалась на очень высоком уровне. Например, в ЧНО в 1954 г. были направлены 64 специалиста и убыл 31, в 1955 г. – 47 и 40, в 1956 г. – 29 и 28, в 1957 г. – 35 и 33, в 1958 г. – 69 и 38, в 1959 г. – 61 и 52, в 1960 г. – соответственно 55 и 47 чел.

Кроме этого была проблема и иного рода. В отчетах по кадровым вопросам отмечалось, что в ЧНО «пастухи неграмотные и не понимают (не знают) русского языка, и поэтому не понимают устные беседы зооветспециалистов, которые в свою очередь не знают чукотского языка» (ГАМО. Ф. 137, оп. 1, д. 137, л. 6).

В середине 1950-х гг. в кризисном состоянии находилось не только оленеводство, но и промысловое хозяйство. Заместитель начальника Магаданского облсельхоз управления В. А. Королев, касаясь добычи рыбы и морского зверя в колхозах Ольского и Северо-Эвенского районов, писал: «По вопросам обеспечения колхозов промснаря-

жением, оружием, боеприпасами, горючим, а также средствами разделки и переработки продукции, кроме многолетних разговоров, никто ничего не делает» (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 35, л. 84). Вторая по значимости в сельском хозяйстве этих районов отрасль – оленеводство – находилась в застойном состоянии из-за нехватки рабочих рук, отсутствия зооветеринарной службы, несоблюдения пастбищеоборотов, гибели оленей от болезней и травежа хищниками (Попова, 1981. С. 264).

Из-за нарастания убыточности пушного промысла (сокращение количества охотников, нехватка оружия и промснаряжения, диспропорция цен) в колхозах Чукотки и Корякии был взят курс на повсеместное развитие клеточного звероводства. В конце 1950-х гг. в Магаданской области звероводством занимались 19 колхозов и 4 совхоза. Основное поголовье пушных зверей было сосредоточено в Чукотском (41%), Анадырском (21,3%), Провиденском (18%) районах ЧНО. Однако уже к середине 1960-х гг. в большинстве хозяйств зверофермы были ликвидированы. Для развития клеточного звероводства не было ни технической оснащенности, ни специалистов, ни зоотехнической службы, ни устойчивой кормовой базы. Все технологические процессы (поение, кормление, чистка клеток и пр.) выполнялись вручную. Сами звероводы называли такую механизацию «ведерной». Мелкие зверофермы были нерентабельны, и хозяйства несли большие убытки. Аналогичное положение было и в Корякском округе. В справке на имя секретаря ОК КПСС М. А. Орлова «О неудовлетворительном состоянии и мерах улучшения оленеводства в совхозах областного управления» отмечалось, что «техническое оснащение оленеводства и промыслового хозяйства... остается примитивным. На пути кочевий нет ни простейших калиток, ни стационарных коралей, ни веревочных переносных. Не все пастухи имеют чаут, не хватает нарт и т. д.» (ГАКО*. Ф. 237, оп. 1, д. 76, л. 80).

Кризис колхозно-совхозного производства усугублялся проблемами в развитии социальной сферы. В докладе на пленуме Магаданского ОК КПСС говорилось, что «до образования области (1953 г.) промышленные предприятия Дальстроя МВД СССР, особенно в ЧНО, были отгорожены “китайской стеной” от национальных колхозов. И если смотреть прямо в лицо действительности, то следует сказать: в то время мы имели две Чукотки – одну с развитой сетью горнопромышленных предприятий с передовой техникой; другую – Чукотку яранг и оленей, только что вышедшую в результате социалистических преобразований из первобытного состояния» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 214, л. 38). Эта оценка отражала реальную ситуацию.

* ГАКО – Государственный архив Камчатской области.

В 1953 г. на Чукотке 2315 колхозных семей, переведенных на оседлость, не имели домов. В Корякском округе, в безлесных районах (Олюторский, Карагинский), а также в южной части Пенжинского, более 600 семей коренных малочисленных народов Севера жили в ярангах и землянках (Северо-Восток..., 1998. С. 172). Жилищное строительство велось очень низкими темпами. Так, в ЧНО из 227 домов, запланированных на 1955 г., было построено только 25. Нередки были случаи, когда дома сдавались в эксплуатацию без полов, потолков и печей (История..., 1989. С. 301).

В 1957 г. на Чукотке 89,7% чукчей и 50,5% эскимосов жили в ярангах, в приспособленных домиках – 1,4, и 23,1%, в стандартных домах – 8,9 и 26,3%. В то же время 97,9% приезжих проживали в стационарных домах, в том числе в построенных для колхозников.

В 1954–1956 гг., в колхозах Магаданской области было построено 13 клубов, 14 детских садов и 325 жилых домов, из них 251 в ЧНО. Однако качество этих строений было очень низким. Например, в Чаунском районе построили 50 домов для колхозников, но, как отмечалось в отчете о приемке, «жить в них нельзя, ветер и мороз в них гуляет свободно» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 214, л. 38). Стандартдомсбыт Главлесоснабсбыта завозил в ЧНО, КНО стандартные дома типа 3-Б-40, пригодные для жилья только в центральных районах страны и совершенно не приспособленные к условиям Севера. Толщина бруса этих домов была 15 см, они имели мягкую кровлю и открытый тамбур. Лесоматериал для «приспособленных домиков» собирали из «случайных досок» – досок с разбитых кораблей (Там же).

Такое же положение было и в национальных районах Колымы. В докладе председателю Совета Министров РСФСР А. М. Пузанову от 25 июня 1955 г. председатель облисполкома П. Я. Афанасьев писал: «В Ольском и Северо-Эвенском районах Магаданской области имеется большое количество семей из коренного местного населения (эвены, орохи, якуты), не имеющих нормальных жилищ и проживающих в легких времянках, землянках и утепленных дерном примитивных постройках» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 53, л. 19).

Наряду с жилищной проблемой, необходимо было срочно решать вопросы здравоохранения и бытового обслуживания коренного населения. Выборочной проверкой было установлено, что в Ольском и Северо-Эвенском районах «больничная сеть крайне плохо оборудована. Нет рентгеновских установок, лабораторий; медикаментов либо нет, либо их мало. Питание больных совершенно неудовлетворительное, такое же положение в детских домах и школьных интернатах, в которых находятся дети в основном коренного населения... В них большая скученность. Боль-

ные открытой формой туберкулеза дети живут вместе со здоровыми» (ГАМО. Ф. 38, оп. 1, д. 49, лл. 32, 38). Из 533 обследованных 132 оказались больными активной формой туберкулеза, из них 48 открытой. Причем, как отмечалось в отчете, «обследование совершенно не коснулось глубинных пунктов, где заболеваемость будет еще выше» (Там же. Л. 29). Врачи констатировали, что любые инфекции, занесенные или завезенные коренному населению, дают массовую вспышку. В результате эпидемии кори и гриппа фиксировалась большая смертность эвенов, камчадалов, якутов всех возрастов. За 1939–1952 гг. численность коренного населения в Ольском районе сократилась с 2400 чел. до 1581, в Северо-Эвенском с 1365 до 789, в Среднеканском с 919 до 764 чел.

В 1951 г. с 23 июня по 20 ноября в этих районах работала еще одна экспедиция Минздрава РСФСР, которая обследовала 2360 чел., в том числе 737 аборигенов, и также выявила тяжелое положение с заболеваемостью туберкулезом и венерическими инфекциями. Кроме этого, более 70% эвенов были подвержены алкоголизму. Причем, несмотря на запреты, поставки спиртных напитков в районы проживания народностей Севера составляли значительную долю в товарообороте. В отчете Совету Министров РСФСР от 18 августа 1955 г. указывалось: «Главсеверторг и рыболовецкая секция Росцентросоюза продолжают завозить спирт в районы Севера до 40% к обороту» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 104, л. 8). В 1954 г. в Магаданской области было реализовано 204 500 дал. спирта, в том числе в Чукотторге – 18 673, в 1955 г. – соответственно 178 519 и 18 532. Другие торгующие организации завезли в ЧНО еще 70 тыс. дал. спирта и водки. Удельный вес спирто-водочных изделий в общем товарообороте составил 15,3% при среднем по РСФСР 8,6%. В то же время в магазинах Колымснаба люди не могли купить самые простые товары – керосин, кружки, лопаты, котлы, ведра, чайники, а также плиточный чай, сахар, крупы и т. д. На совещании оленеводов в 1958 г. отмечалось, что «в 1957 г. в оленеводческие хозяйства совершенно не завезены кровати, мебель, товары домашнего обихода, сорван завоз стандартных домов и строительных материалов» (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 174, л. 80).

17 января 1955 г. экспедиция № 1 Минздрава РСФСР приступила к комплексному обследованию 18 сел (3201 чел., в том числе женщин – 1098, мужчин – 1162) Чукотского района. Начальник экспедиции И. Ю. Ласков, писал в отчете, что большинство коренного населения пребывает в состоянии хронически текущего туберкулеза. Среди жителей сел Наукан, Уэлен, Инчоун, Журмино, Яндракинот распространен сифилис. Села Чукотского района находятся абсолютно в антисанитарном состоянии. Бани имелись только в двух селах – Лорино и Чаплино. Экспедиция вскрыла

крайне неблагополучное положение с обслуживанием местного коренного населения органами здравоохранения. И. Ю. Ласков подчеркивал, что «при анализе нашего материала мы находили значительную детскую смертность, доходящую в ряде кочевых пунктов до 52,9%. ... До сих пор женщины рожают в пологах яранг без медицинского обслуживания... Дети не купаются длительное время. Мы встретили в ... с. Лорино ребенка 6 месяцев, который ни разу не мылся..., был весь покрыт твердыми корками. Такую же картину наблюдали во многих селах. Кожа у детей загрязнена до предела» (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 4, лл. 141, 142).

Экспедиция собрала также данные об образовательном уровне населения. Оказалось, что среди чукчей неграмотные составляют 15%, имеют 4-классное образование 73,9%, семилетнее – 9%, окончили курсы педучилища – 2,1%, среди эскимосов – соответственно 41,0; 27,9; 22,5 и 8,1%.

В письме на имя Е. А. Фурцевой П. Я. Афанасьев отмечал, что «заболеваемость туберкулезом коренного населения остается крайне высокой и влечет за собой большую смертность, особенно среди детей. Во многих населенных пунктах Чукотского округа туберкулезом болеет более 30% населения. В среднем по округу заболеваемость в исчислении на одну тысячу населения в 5–6 раз больше, чем по Федерации» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 220, л. 43).

За 1953–1958 гг. умерли 94 оленевода. В «Справке о распределении по возрасту рабочих и специалистов-оленеводов» отмечалось, что продолжительность их жизни составляет 43 года, причем год смерти взят условно – 1958, а фактически смерть последовала между 1953 и 1958 г., поэтому следует считать среднюю продолжительность жизни 40–41 год (ГАМО. Ф. 135, оп. 1, д. 17, л. 42).

Сопоставимая ситуация была и в районах Корякского округа. В справке «О неудовлетворительном состоянии и мерах улучшения оленеводства в совхозах Камчатского областного управления совхозов» указывалось, что «медицинская помощь оленеводам не оказывается. Туберкулез, трахома – постоянные спутники в пастушеских бригадах. Жильем для пастухов и членов их семей является летом палатка, а зимой юрта. Освещается она свечой или жирником. На центральных усадьбах совхозов также имеются юрты и землянки, в которых живут по 4–5 семей. В большинстве совхозов нет электрического света... Культурное обслуживание совершенно не организовано» (ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 76, л. 80).

В 1954 г. в КНО, по неполным данным, болели туберкулезом 797 чел. (каждый девятый), сифилисом – 486, гонореей – 299, трахомой – 522, глоткой – 106 (Цыганов, 1990).

Подобная ситуация в области здравоохранения была типична для всей зоны Севера. Член экспертной комиссии по проблемам Севера Л. И. Абрютина отмечала, что с началом промышленного освоения на Севере стала быстро развиваться сеть лечебно-профилактических учреждений, «но состояние здоровья аборигенов продолжало оставаться настолько плохим, что многие показатели были засекречены» (Мир..., 2000. С. 14). Что касается алкоголизации народов Севера, то, как показали исследования Всемирной организации здравоохранения, в организме коренных народов отсутствуют ферменты, расщепляющие алкогольды, поэтому быстро формируется алкогольная зависимость и алкоголь оказывает разрушающее воздействие на мозг (Там же. С. 64).

О катастрофическом социально-экономическом положении национальных округов и районов Крайнего Севера неоднократно докладывалось руководству страны. В результате ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли в 1957 г. специальное Постановление № 300 «О развитии экономики и культуры народностей Севера»*. В нем впервые были сформулированы основные направления развития КНО и ЧНО в области укрепления материально-технической базы оленеводства, промыслового хозяйства, благоустройства северных сел, создания сети образовательных и медицинских учреждений и определены источники финансирования.

Стратегия интенсивного развития предполагала, что освоение Севера должно сочетаться с дальнейшим развитием отраслей промышленного производства и сельского хозяйства. Подчеркивалось, что «устойчивые связи между промышленными центрами и прилегающими к ним таежными и тундровыми районами приведут к подъему национальной экономики и будут способствовать культурному развитию народов Севера в период построения коммунистического общества» (Материалы..., 1992. С. 511). Однако, как показала практика, эта задача была выполнена лишь частично, поскольку многие положения этой программы не были профинансированы и часто носили декларативный характер.

Конкретные меры по развитию сельского хозяйства были намечены на 5-м пленуме Чукотского окружкома КПСС (13–14 мая 1957 г.). Приоритетное значение отводилось оленеводству, вместе с тем отмечалась необходимость развивать подсобные отрасли – рыболовство, пушной промысел, звероводство, морской зверобойный про-

мысел, извоз на собачьем и оленем транспорте. Для подъема оленеводства и улучшения бытовых условий были предприняты ряд мер. С 1957 г. Госстрах начал выплачивать колхозам компенсацию за гибель оленей от стихийных бедствий. Министерство финансов СССР предоставило колхозникам кредит на жилищное строительство, причем 70% его стоимости возмещалось из бюджета государства. В целом значительно увеличились ассигнования на развитие колхозов, изменился порядок планирования сельскохозяйственного производства в сторону строгого учета местных условий (Вдовин, 1965. С. 302).

В результате в 1958–1965 гг. в ЧНО для оленеводческих бригад было построено в тундре 89 переносных и стационарных коралей, 19 забойных пунктов, 21 промежуточная база и 38 домов на маршрутах. Началось техническое оснащение оленеводства. Для перекочевок, доставки в тундру стройматериалов, горючего, оказания медицинской помощи стали применяться тракторы ДТ-54, -55, С-80, Т-100, вездеходы МТЗ, ГАЗ-47, -53, АТЛ-5 и малая авиация.

Пловерский и Мечигменской зверокомбинаты получили 70 вельботов, 8 электрокранов «Пионер», 17 лебедок, 25 гарпунных пушек, 20 механических установок для отжима жира и другое оборудование. В колхозы Магаданской области, занятые морским зверобойным промыслом, было поставлено: 1300 винтовок, 70 вельботов, 19 лебедок, 45 гарпунных пушек. Для развития активного лова рыбы и добычи морского зверя на Чукотке выделялись сейнеры МРС-80, СО-300 и буксир «Пекин». Прибрежные колхозы получили право приобретать в собственность промысловые суда типа РБ-20, -22, -28, МРС-59.

Техническая модернизация оленеводства и промыслового хозяйства уже в этот период давала неоднозначные результаты. В. В. Леонтьев, хорошо знавший проблемы коренного населения, указывал, что «в морзверобойном промысле катера и шхуны появляются эпизодически, существующая техника дает крайне незначительную эффективность», и подчеркивал, что «промышленность должна способствовать индустриализации труда коренного населения, не нарушая традиционных форм хозяйства, которые будут развиваться с учетом его прогрессивных форм» (Леонтьев, 1965. С. 43–44). Практика показала, что механизация морзверобойного промысла проводилась формально и не дала ожидаемого эффекта.

На Втором научном совещании по проблемам развития производительных сил Магаданской области (3–5 июня 1969 г.) отмечалось, что в морском зверобойном промысле, несмотря на большие затраты, механизированы только добыча и транспортировка зверя. Требуются специальные морзверобойные шхуны. Переработка осуществляется по-прежнему примитивно, без полной ути-

* В 1958 г. – Постановление Совета Министров РСФСР «О мерах по дальнейшему развитию северного оленеводства; в 1960 г. – Постановление «Об оказании дополнительной помощи в развитии хозяйства и культуры народностей Севера»; 1967 г. – Постановление Совета Министров СССР «О мерах по дальнейшему развитию экономики и культуры народностей Севера» и ряд других.

лизации продукции морзверя. Например, жир вытапливали в простых чугунных котлах, при проваривании пластин через пресс-валицы извлекалось только 20% продукции. Из-за отсутствия костедробилок не использовались кости китов. Выбрасывался китовый ус и внутренности морзверя, кроме печени, которая шла на корм пушных зверей.

Ученые высказывали также серьезные сомнения в экономической эффективности механизации оленеводства при сохранении характера основных технологических процессов в неизменном виде. Рост затрат на содержание и эксплуатацию, отсутствие специальной техники и квалифицированных кадров значительно удорожали продукцию оленеводства. Во многих хозяйствах местная молодежь вытеснялась из технических профессий и превращалась в подсобных рабочих. В целом отмечалось, что, «несмотря на большую помощь государства, надежного транспорта в оленеводстве нет. Оленевод в основном перемещается по тундре пешком. Основным жильем для пастухов-оленеводов остается палатка. Много времени у него уходит на перевозку жилья, необходимых материалов и продуктов питания» (Проблемы..., 1968. С. 55, 56).

В справке «О задачах оленеводческих совхозов» подчеркивалось: «Нужно признать, что та техника, которая применяется в тундре, не оказала влияния на изменение технологии, что, собственно, являлось основной целью механизации оленеводства» (ВА МАПК*. Д. «Переписка по оленеводству». 1974 г. Т. 3/2, л. 9).

Наряду с механизацией, принимались меры по повышению продуктивности оленеводства — создавались нагульные и предубойные стада, начали применять противооводовые обработки оленей дихлофосом, эмульсиями, пастами ДДТ и гексахлораном**.

В результате принятых государством мер финансовой и материально-технической поддержки в 1958–1965 гг. оленеводство Магаданской и Камчатской областей, развиваясь на экстенсивной основе (за счет наращивания поголовья, при наличии 68 млн га оленевых пастбищ), дало значительный экономический эффект.

За семь лет из общего забоя оленей по РСФСР (2982 тыс. гол.) в Магаданской области было забито на мясо 997,1 тыс. гол. (33,45%), а в Камчатской — 269,1 (9%). Денежные доходы оленеводческих хозяйств Чукотки возросли с 1401 тыс. руб. в 1954 г. до 6086 тыс. руб., а с учетом повышения закупочных цен в 1965 г. (на 70%) достигли 17 765 тыс. руб. По количеству оленей в стадах совхозы «Ануйский», «Анадырский», «Канчалан-

ский», «Марковский», «Омолон», «Певек» стали крупнейшими в РСФСР.

Из среды оленеводов выделились подлинные мастера своего дела. Бригады Н. Е. Илькана, П. Н. Олетина, С. И. Киява из совхоза «Пахачинский», Т. Н. Танытегина, С. Т. Умкавье из совхоза «Пенжинский», И. Алыку из колхоза «Ленинский путь» ежегодно сохраняли взрослое поголовье на 99–100%, получая по 90–97 телят на 100 январских оленей, а производство мяса в этих бригадах достигало 35–40 ц. В 1965 г. 42 оленевода КНО были награждены орденами и медалями СССР. Аналогичных успехов добивались оленеводческие бригады Н. Этувье из колхоза им. И Ревкома Чукотки, А. И. Коравье — из колхоза «Путь к коммунизму», Г. Н. Кенчи — из совхоза «Анадырский», М. Г. Келенкева — из совхоза «Марковский», В. Тынелкеу — из колхоза «Коммунист» и многие другие в Магаданской области. В 1963 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР бригадиру оленеводческого совхоза «Канчаланский» И. П. Аренто было присвоено звание Героя Социалистического Труда.

Однако за внешним благополучием скрывались серьезные проблемы, причем они имели тенденцию к обострению. Так, непроизводительные отходы оленей в колхозах и совхозах постоянно возрастили. В хозяйствах Чукотки в 1958–1965 гг. они составляли в среднем более 80 тыс. гол. в год. Эта тенденция сохранялась и в дальнейшем. В 1966 г. погибло 81 258 оленей, в 1967 г. — 65 508, в 1968 г. — 83 912, в 1969 г. — 100 619, в 1970 г. — 71 784.

В Корякском округе падеж оленей по отношению к основному стаду был также высоким — 11–13%; в 1958 г. — 16 871 гол., в 1959 г. — 14 538, в 1960 г. — 11 066, в 1961 г. — 14 854, в 1962 г. — 16 661, в 1963 г. — 20 883, в 1964 г. — 20 743, в 1965 г. — 14 200 (ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 370, л. 44). В 1966–1970 гг. отход оленей составлял в среднем 10–11%. В Тигильском районе основное поголовье в колхозах и совхозах сократилось на 70%.

Политика постоянного наращивания поголовья (борьба за магаданский миллион оленей) привела к тому, что огромные стада оленей, уничтожая ценнейшие пастбища, гибли от бескормицы. Забойные пункты, без механизации, с примитивными холодильниками, не справлялись с большой массой оленей и превращались в бойню в худшем смысле этого слова. Товарные стада после 500–600 км перегона неделями находились у забойных пунктов без корма и воды, теряли упитанность и просто гибли.

Оленевод Н. Омрыкват из колхоза «Победа» рассказывал: «Летовку оленей мы проводили в верховьях хребта Рыбыткин, ... там был корм и вода. Вдруг, в то время, когда замерзли реки и ручьи, а снега еще не было, правление колхоза приказало перейти моей бригаде в совершенно другие места. Пять суток мы гнали стада по безвод-

* ВА МАПК — Ведомственный архив Магаданского агропромышленного комитета.

** Эти препараты обладали высокой токсичностью. При их распылении (аэрозоли) химическими веществами заражались олени пастбища и поражались кожные покровы, печень, желудок, легкие и слизистая оболочка у людей.

ной местности, десятки голов погибли в пути, олени потеряли упитанность, стали истощенными, слабыми» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 215, л. 14). В 1964 г. в совхозе «Талая» при подобном перегоне погибло 4,7 тыс. гол. из имевшихся в хозяйстве 6,4 тыс.

Приоритетное развитие оленеводства нанесло серьезный ущерб другим отраслям и традиционным занятиям коренного населения. Магаданский облисполком констатировал: «Повышение прибыли от оленеводства породило иждивенческое настроение руководителей в развитии производственной базы и, в частности, таких отраслей, как морской зверобойный промысел, пушной, рыболовство, пошив меховой одежды – исконных отраслей, дающих занятость двум третям трудоспособного населения» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 868, л. 145).

В то же время считалось, что за счет извлечения сверхприбыли от оленеводства можно будет решить все проблемы оседания кочевого населения и прежде всего задачу обустройства северных сел.

В конце 1950-х – начале 1960-х гг. за счет ссуд Госбанка и государственных преференций была проведена определенная работа по совершенствованию социальной сферы. На Чукотке построили 3269 сборных домов (20 м^2 каждый)*, 25 сельских участковых больниц, 38 школ и интернатов, 34 клуба, а также 5 мастерских бытового обслуживания в селах Островное, Майно-Пыльгино, Лорино, Сиреники. По отчетам окрискомиссариата, в целом по округу было вновь частично обустроено 40 населенных пунктов (центральные усадьбы и отделения колхозов и совхозов) и освоено более 35 млн руб., в том числе 20 млн руб. на жилищное строительство. Это позволило охватить 91% сельских жителей диспансерным наблюдением, несколько снизить заболеваемость инфекциями и туберкулезом. В школах-интернатах на полном государственном обеспечении находилось 1567 детей.

Такова официальная статистика, а фактическое положение отражает иную картину. В 1958–1962 гг. в целом по ЧНО ежегодно вводилось 300–500 домов для колхозников и сельской интеллигенции – всего 6 тыс. м^2 , но уже к 1966 г. ввод жилья сократился до 1,5 тыс. м^2 , т. е. в 4 раза. В решении Магаданского областного Совета № 68 в 1960 г. указывалось, что «строительство домов для колхозников ЧНО осуществляется медленно, с низким качеством, особенно плохо в Иультинском, Марковском, Чаунском районах. Дома строились с большими недоделками, без печей, без полов и штукатурки. ... Дома были построены

настолько плохо, что колхозники, переселившись в них, были вынуждены вновь перебраться в яранги» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 215, л. 23). В Чаунском районе за 1961–1965 гг. для колхозников не было построено ни одного дома. В материалах Чукотского окрискомиссариата отмечалось, что, «несмотря на острейший дефицит жилья, скученность в детских учреждениях, ... совершенно прекратилось строительство в селах Снежное, Хатырка, Ванкарем, Амгуэма, Нешкан, Энурмино и ряде других» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 886, л. 235).

На совещании с молодежью из коренного населения о реальном положении в колхозах и совхозах говорилось следующее:

Хабарова (совхоз «Челбанья»): «В совхозе у нас очень плохо живут. Начальство никаких мер не принимает. Люди пьянствуют. Есть убийства. В этом году убили 4 человека, и меры никакие не принимаются, ... народ по нескольку месяцев на получает зарплаты. Директор там Селезнев, он очень плохо работает, с рабочими очень плохо обращается. Привозят что-нибудь хорошее, начальство между собой распределяет, а рабочим ничего не дают, ни в столовых, ни в магазинах. В других совхозах такая же картина».

Корякина (почтовый агент): «Хабарова правильно говорит, ... привезли сапоги, дать бы их пастухам, так их дали своим женам и взяли себе. ... Вот почему у нас в совхозах и колхозах убийства и пьянство? Потому, что директора сами все время пьянствуют».

Аруева (колхоз «Новый путь»): «Судя по письмам из дома, там живут неважно, кино и радио, правда, есть, но там очень пьют. Председатель сельсовета там Духилов В. С., а также секретарь райкома партии всегда тоже пьют ... Старые жалуются, что у них нет пенсий, а семьи еще большие».

Назарова (колхоз «Новый путь»): «Мне пишут из дома, что 7 ноября в колхозе ничего не было, продуктов не привезли, своих не было, население было оставлено без ничего. У нас там интернат есть... Первое время дети ходили просто без одежды. Действительно, товарищи, спирта везут бочками, а в школе-интернате, где орочи хотят заниматься самодеятельностью, на весь интернат одна разбитая балалайка».

Данилова (колхоз им. I Ревкома Чукотки): «Мною поднимался вопрос, чтобы завезти котлы для варки пищи, но котлов так и нет. Дело дошло до того, что чукчи варят пищу в стиральных бачках. Нет больших кухонных кастрюль. Мы три года говорили о чайниках и котлах, и Чукотторг обязывался завезти чайники, но до сего времени это решение не выполняли. У нас так получается, что заказали многое, что нам не нужно. ... Одних только пуговиц завезли на 6 млн руб., застежек "молния" на 1 млн руб.» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 217, лл. 74–112).

* Строители отмечали, что эти дома не могли быть объектом капитального строительства, так как они не были рассчитаны на подключение к инженерным сетям. По санитарным нормам в нем могли разместиться 2–3 чел., а средняя семья состояла из 5–6 чел.

В докладной записке в ОК КПСС по итогам слета оленеводов также отмечалось, что в магазинах ЧНО нет крайне необходимых бытовых товаров для пастухов. «*Из продовольственных товаров крайне мало галет, имеются перебои в торговле чаем, сахаром ... а спирта сколько хочешь, ... Завезли в Чукотский район только 10 ящиков чая, а спирта 15 бочек <...> Не завозятся дешевые костюмы, детское платье. Даже на полке охотников вместо нужных пастуху и охотнику товаров лежат одеяла фирмы «Нобельс» и каркалевые манто, в которых никто из местных жителей не нуждается. <...> Простейшая мебель для продажи никем не изготавливается. В интернатах положение крайне неудовлетворительное. Слушатели школы колхозных кадров (Анадырь) в количестве 40 чел. проживают и спят по 2 чел. на одной койке, в том числе и больные открытой формой туберкулеза. В общежитии грязно, мебель отсутствует, постельное и нательное белье не меняется больше месяца. Вилки-ложки в столовой отсутствуют, ... имеется только 3 стола, за которыми может разместиться 20 чел., а питается 100 чел. Многие учащиеся являются ослабленными ввиду недостаточности и низкой калорийности питания. ... Местное население привыкло к пище, насыщенной белковыми веществами (рыба, мясо в большом количестве), а здесь им дается пища, в которой мало белков и много углеводов. Мальчики имеют только по две рубашки, а девочки по два платья ... Районные и окружные организации настаивают на переводе преподавания в школах на родной чукотский язык, в то время как в школах учителей, знающих чукотский язык, не имеется» (ГАМО. Ф. 146, оп. 1, д. 53, лл. 68, 69). Магаданский ОК КПСС отмечал, что окрисполком, окружком и РК КПСС допускают грубые ошибки при проведении работы по переводу кочевников-оленеводов на оседлый образ жизни (Там же. Д. 348, л. 64).*

Но это были не ошибки местных руководителей, а отражение общей ситуации, которая сложилась во всех национальных округах вследствие непродуманной политики укрупнения колхозов и преобразования их в совхозы. Так, повсеместно отмечалось, что во многих учебных заведениях (интернатах) зоны Севера РСФСР дети были вынуждены спать по двое и даже по трое на кровати. Не хватало игровых комнат, раздевалок, умывальников, туалетных помещений. «Недостаток средств, выделенных на содержание детей, сказывается на их питании, почти исчезли из рациона традиционные изделия из рыбы, морского зверя, оленины» (Материалы..., 1992. С. 367).

Такая же ситуация сложилась и в Корякском округе, где в этот период было введено 1237 домов, 30 школ, 16 интернатов, 15 больниц, 26 клубов, 60 предприятий торговли и общественного питания. Однако в 1965 г. из 2080 семей абориге-

нов, проживавших в КНО и Быстриńskом районе, только 1653 семьи были обеспечены жильем. Из 427 семей, не имевших домов, 14 жили в землянках и юртах, 207 – на подселении. Кроме этого, не учитывалась часть семей, в основном старики, которые оставались в селенных (в результате укрупнения колхозов) поселках без снабжения, медпомощи, занимаясь натуральным хозяйством. В 5 оленеводческих совхозах не имели жилья 192 семьи, из них 51 в совхозе «Корфский» и 95 в совхозе-миллионере «Пахачинский». Во многих селах остро ощущался недостаток электроэнергии. В справке «О ходе выполнения постановления ЦК КПСС и СМ СССР от 16 марта 1957 г. № 300 в Корякском округе» говорилось, что «большинство зданий культурно-просветительных учреждений располагаются в неприспособленных помещениях – тесные, многие обвалившиеся здания» (ГАКО. Ф. 237, оп. 1, д. 26, л. 54). Например, из 49 сельских школ 19 были совершенно непригодны к эксплуатации (с. Первореченск, Корф, Усть-Пахачи, Усть-Хайрюзово, Калач, Слатинское и др.).

Фактическое несоответствие объемов строительства объектов непроизводственного назначения и роста благосостояния коренного населения объясняется тем, что большинство объектов социальной сферы строились не в колхозах и совхозах, а в районных центрах, где проживало прошлое население, а также нецелевым использованием материальных и финансовых ресурсов, низким качеством возводимого жилья. В других районах Севера РСФСР в 1965 г. кочевой образ жизни вели более 9000 семей оленеводов, охотников и рыбаков, в том числе в Якутской АССР – свыше 2000 семей, в Магаданской области – 1563, в Таймырском национальном округе – 798, Ямало-Ненецком – 2313, Ненецком – свыше 300 и т. д. (Попов, 1965. С. 13).

Отметим, что процесс оседания кочевого населения и его аккультурации являлся проблемой не только Севера России. Аналогичные задачи решались в Швеции, Норвегии и Финляндии. В этих странах одним из главных условий добровольного оседания являлось развитие государством транспортной инфраструктуры, компактность территории оленевых пастбищ, доступность к средствам переработки и возможность реализации оленеводческой продукции. В финно-скандинавских странах в конце 1960-х гг. уже практически не было оленеводов, которые круглый год жили в чумах. Каждая семья имела капитальный дом на зимних пастбищах и многие – на летних. Дома строились в основном из дерева (2–3 комнаты с автономным электроснабжением, водопроводной колонкой, кухонной и комнатной мебелью) вдоль магистральных автомобильных дорог. Временные дома строились по стандартному проекту из легких материалов. В комплект таких домов

входило все внутреннее оборудование – нарды, столы, стулья, отопление, освещение (портативные генераторы, плиты-каминчики, работавшие на керосине или дизельном топливе).

Зарубежное оленеводство также пошло по пути оснащения своих хозяйств современными техническими средствами. Но в отличие от Севера России большое распространение получили не тяжелые тракторы и вездеходы, а экономичные в работе мотонарты, не наносящие экологического ущерба пастбищам, и легкомоторная авиация.

Процессы убоя оленей, хранения и глубокой переработки оленеводческой продукции были полностью механизированы (Северное..., 1979. С. 61, 62). Однако этот опыт по объективным причинам не был востребован в оленеводстве России. В целом отметим, что в этот период советское правительство, впервые в истории, предприняло ряд конкретных мер, направленных на модернизацию традиционных отраслей хозяйства и социальное развитие коренного населения Северо-Востока. Административно-командная система сыграла положительную роль, максимально сконцентрировав необходимые ресурсы для вывода сельского и промыслового хозяйства из кризиса.

В то же время основной вектор хозяйственной и социальной политики был направлен не на решение проблем коренного населения, а на территорию промышленного освоения, на которой оно проживало. Курс на модернизацию сельского и промыслового хозяйства как процесс развития в направлении от традиционного к современному, обеспечивающий по замыслу прогресс в экономике и ведущий к повышению жизненного уровня, фактически создал комплекс проблем, которые проявились с особой остротой уже в начале 1970-х гг., и привел к затяжному кризису.

ЛИТЕРАТУРА

Вдовин И. С. Очерки истории и этнографии чукчей. – М.; Л. : Наука, 1965.

Поступила в редакцию 11.06.2008 г.

MODERN CHANGES IN SUBSISTENCE ECONOMY OF NATIVE PEOPLE AND THEIR SOCIAL EFFECTS FOR RURAL COMMUNITIES, THE NORTH-EAST OF THE USSR (1950ies – 1960ies)

I. D. Batsaev

Available publications and archive materials serve as a basis for the author to examine modern changes in traditional subsistence economy of native people in the northern areas, upon the collectivization process and through economic reformation period since the late 1950ies through 1960ies. The basic branches of the rural economy in the north including reindeer husbandry and hunting and their social effects for the natives in the Koryak and Chukchi National Areas and in Kolyma are studied.

Key words: native people of the North, the North-East of the USSR, traditional subsistence economy, social sphere.

История Чукотки с древнейших времен до наших дней. – М. : Мысль, 1989. – 491 с.

Кузаков К. Г. Социализм и судьбы малых народностей Северо-Востока СССР. – Магадан : Кн. изд-во, 1981. – 112 с.

Леонтьев В. В. Историко-этнографические особенности развития хозяйства коренных народностей Крайнего Северо-Востока // Проблемы формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Крайнего Севера. – Магадан, 1965. – С. 49. – (Материалы к науч. совещ.).

Материалы к серии «Народы и Культура». Вып. 18. Народы Севера России. Ч. 2. – М. : Ин-т этнологии и антропологии РАН, 1992. – 538 с.

Мир коренных народов // Журн. Ассоциации коренных малочисл. народов Сибири и Дальнего Востока РФ. – 2000. – 65 с.

Очерки истории Чукотки с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Н. Н. Диков. – Новосибирск : Наука, 1974. – С. 270–271.

Попов Г. Р. Проблема оседания кочевого населения Крайнего Севера и пути ее решения // Проблемы формирования населения и использования трудовых ресурсов в районах Крайнего Севера. – Магадан, 1965. – С. 49. – (Материалы к науч. совещ.).

Попова У. Г. Эвены Магаданской области. Очерки истории, хозяйства и культуры эвенов Охотского побережья 1917–1977 гг. – М. : Наука, 1981. – 301 с.

Проблемы развития производительных сил Магаданской области : Материалы Второго науч. совещ. по проблемам развития и размещения производит. сил Магаданской области, 3–5 июня 1968 г.). – Магадан, 1969. – Т. 3. – 102 с.

Северное оленеводство / под ред. чл.-корр. ВАСХНИЛ В. А. Забродина. – М. : Колос, 1979. – 283 с.

Северо-Восток России: проблемы экономики и народонаселения : расшир. тез. докл. регион. науч. конф. «Северо-Восток России: прошлое, настоящее, будущее». Магадан, 31 марта – 2 апр. 1998 г. : в 2 т. / отв. ред. В. И. Гончаров. – Магадан : ОАО «Северовостокзолото», 1998. – С. 189.

Труды Магаданского ЗНИИСХСВ. – Магадан : Кн. изд-во, 1970. – Вып. 1. – 276 с.

Цыганов. Население КАО // Камчат. правда. – 1990. – 16 февр.